

Люди или сны

1

КО МНЕ ПРИХОДЯТ люди или сны?

И сны, и люди спрятаны в подушках.

Кто двинется ко мне из глубины?

Из комнаты, в которой только суше
глаза, мокрее — потолок?

В какую даль закинуть поплавок?

*

На червячка я ночь себе ловила,
закидывала дальше поплавок,
она клевала, и, по горло в иле,
вставала во весь рост, во весь поток.
Смотрела из окна — там ты идёшь,
на дерево на каждое похож.

*

Я перья из подушек доставала,
и прятала в горшки, и поливала.
Под утро вырастали деревья,
с твоим лицом, и зрением, и слухом,
но на тебя похожие едва.
И говор их пустой стоял над ухом.

2

ТАМ МАМА выростала из пера,
по ней трещали листья и кора.
Садилась рядом в платье голубом.
Она ещё не родилась, и ею
очерчено топлёное тепло.
Всё плакала, дрожа одним крылом,
которое от слёз ещё белее.
Я оставалась с ней наедине,
как будто, нерождённая вдвойне.

*

Солёный свет, очерченный в ночи, —
мне говорила, — с губ своих утри.
В подушках были спрятаны ключи.
Я трогала, как будто, изнутри
её набитый перьями живот.
Я емь — я в этом чреве плод.

*

Достань ключи и отвори живот.
Я двинулась самой себе на встречу.
Кто вглубь ушёл, тот больше не придёт.
А кто придёт, того и не замечу.
Отходят в глубину и сны, и люди.
Их не было, и никогда не будет.

ПОД ПЛЕСК будильника пытаешься сморгнуть
нахлынувший пейзаж с сетчатки глаза.
Гудит трава и рассыпает ртуть,
и жуткий свет над ней растёт, как метастаза.

Картонный дворник кормит пыль, и длинно
мелькает солнце, как оплывшая свеча.
Движением головы стряхнёшь с лица морщины
и сдуешь небо дымным облачком с плеча.

Письма мёртвым

МЫ МЁРТВЫЕ сидели за столом
и скатерть связана была узлом
жужжала ночь тропической цеце
я помню сетку рек
в морщинистом лице
соседки Аси с рыжею косой
и из её глазниц растущий зверобой
мне кажется она уже жива
и вроде бы повсюду тут и там
то донкихот сидел то донжуан
их волосы крошечная листва
жизнь близилась
и от неё на волосок
мы были накаляясь как песок
во рту у нас затикали часы
слетала с кожи смерть
жужжанием осы
а смерть проста как лестничный пролёт
как лёгок невесом её полёт
я помню всех живых похоронили
мы плакали на братской их могиле

Неколыбельная

СПИ не спи
как тают люди
в небе под окном
в твоём горле зреют руды
круглые как ком

на щеках щепотка мая
мшистая как смех
люди головы снимают
на виду у всех

им звезда глядит на полюс
больше не видна
ты войдёшь в асфальт по пояс
и достанешь дна

месяц в горло твоё выльет
тополиный мёд
в нём деревья сложат крылья
листьями вперёд

ЗА ОКОШКОМ гуляйте мои мертвецы,
мои дети, пока ещё живы отцы.
кто по темя в земле, кто поёт в небесах,
солнце гладит веснушки на кровавых носсах.

я спрошу, сколько крови ещё до весны.
«мы не знаем, мы дети, России сыны,
мы играли в войну, но игра подросла
и сама со всеми играть пошла».

дети мимо промчатся, споют на бегу.
«знай, что смерть рядом спит на правом боку.
золотую муху в её груди
не буди до срока, нет, нет, разбуди».

Трамвайная музыка

ЭТА МУЗЫКА слов слепа
эта музыка зренья немая
только сердце звучит па-па-па
как колёса трамвая

и по рельсам струится свет
и змеится вода золотая
эта музыка прежних лет
растает

я создам её заново из
глубины твоего осязания
воздух синеголос и сиз
расстояний

нет и не будет но есть
музыка между нами
осязай эту лёгкую взвесь
снами

эта музыка спросит
ты здесь
и конечно ответишь
навечно
но так сходят трамваи с рельс
на своей бесконечной
конечной

ДНИ УМИРАЮТ, как мухи.
Сны выпадают из спячки.
Река умывает руки.
Падает в речку мячик
девочкой, полной скорби.
Тише, она не плачет.
Тихо жуёт свой орбит.
К вечеру вянут тюльпаны.
Из орбит выпадают планеты.
На ниточке Ариадны
качается четверть света.
К утру вырастает плесень.
Красиво синеют раны.
Мир, как маршрутка, тесен,
а по утрам подавно.
Взять и зависнуть между
ога и, может, labora.
Собой придавив надежду,
в ящике спит Пандора.

ГОРИЗОНТ, намокнув, свернётся в локон,
по планете задлится молчание виноградной
лозой.
Щуплый свет осьминогом ползёт по окнам
и маячит в проёме снов переливчатой стрекозой.
Открывать тетрадь и писать в ней клюквой,
по-тарковски учиться траве с азов,
но молчание сужается до размеров буквы,
и становится мелкое, как Азов.

ВЕЧЕР ВСМЯТКУ, в деревьях шумит смола,
и торопится время до пункта Бэ.
Я была б для тебя Лорелеей
с репейником в волосах,
да вот только совсем не умею петь.
Я вообще-то мало чего умею, но,
как русалка, могла бы тащить на дно.